

ниях, которые указаны в Высочайших рескриптах, а на началах, которые будут выработаны самим московским дворянским комитетом.

Более 500 дворян Московской губернии заявили желание приступить к улучшению быта помещичьих крестьян. Вследствие этого собрание предводителей и депутатов дворянства положило довести об этом до сведения московского военного генерал-губернатора и просить повергнуть к стопам Монарха просьбу московского дворянства об открытии комитета для составления правил, которые будут признаны общепользовными и удобными для местности.

Такое заявление говорится в протоколе собрания предводителей и депутатов Московской губернии. Явно свидетельствует об общем стремлении здешнего дворянства к достижению цели, достигшейся уже Высочайшего одобрения. Но вместе с тем собрание предводителей и депутатов считает священной обязанностью донести вашему высокопревосходительству (генерал-губернатору), что все дворянство Московской губернии единодушно желает, дабы комитету Московской губернии было предоставлено право свободно обсуждать самые основания, которые должны служить к составлению проекта об улучшении быта помещичьих крестьян. Московское дворянство полагает, что при этом только условие оно может сделать полное развитие необходимых соображений в сем важном государственном деле. Все проявленные убеждения, что Государь Император, столь заботящийся о благе всей империи, удостоит освятить Высочайшим соизволением желание этого сословия.

„Высокая христианская цель, указанная Августейшим Монархом вызывает сильное сочувствие к достижению ее в здешнем дворянстве. Следовательно московские дворяне могут выразить совершенно свободно свои мысли и просить дозволения составить проект на основаниях, которые комитетом будут признаны удобными, не стесняясь основаниями, указанными для других губерний“.

Кроме того московское дворянство ходатайствовало пред правительством о том, чтобы учреждаемый в Москве дворянский комитет об улучшении быта крестьян, мог воспользоваться для своих занятий более продолжительным сроком чем шесть месяцев.

Желание дворянства Московской губернии удовлетворено не было. Но тем не менее курское дворянство, в лице своих представителей — членов открытого в конце 1858 года в Курск дворянского комитета, не раз возбуждало вопрос об изменении или по крайней мере ограничении смысла главных оснований освобождения крестьян, изложенных в Высочайших рескриптах. Как ниже увидят читатели, не мало частных мнений курских дворян, а также и ходатайств уездных дворянских съездов, просили об изменении главных оснований, указанных правительством как краеугольный камень реформы крестьянского быта; но просьбы эти и желания всегда и везде были отклоняемы правительством.

На последнее письмо министра внутренних дел (от 16 января), в котором он просит время от времени извещать его о мероприятиях, какие дворянство Курской губернии предпринимает для улучшения быта своих крестьян, курский предводитель Н. А. Стремоухов отвечал кратко: он убедил министра о том, что на 15 число февраля им назначено чрезвычайное собрание предводителей дворянства и депутатов для обсуждения „совместным образом“ текущих событий.

В это время в некоторых губерниях начали открываться уездные дворянские собрания для выбора членов, имеющих быть учрежденными комитетами об улучшении быта крестьян. Между тем многие из помещиков дворян состоящих в военной или гражданской службе, не могли бы принять в этих собраниях участия, если бы оставались в местностях своего служения. Но в начале 1858 г. на это обстоятельство министром внутренних дел было обращено надлежащее внимание, и относительно дворян, состоящих в военной или гражданской службе правительство распорядилось позволять им двухмесячные отпуска в те губернии, куда дворяне пожелают отпра-

виться. Им сохранялись в это время права службы и они не лишались занимаемых ими мест и получали присвоенное им содержание. Кроме того правительство дозволило тем служащим дворянам, которые будут избраны членами комитетов по устройству быта крестьян, брать еще более продолжительные отпуска (на все время существования комитетов), но такая льгота во время своей отлучки не должны уже получать содержания.

Об этом распоряжении правительства 6 февраля 1858 года Курский губернатор уведомил губернского предводителя дворянства. В этот же самый день Стремоухов получил от Харьковского губернского предводителя проект об улучшении быта помещичьих крестьян, который он обещал сообщить для соображения комитету, буде последует желание дворянства просить об открытии такового. Таким образом учреждение крестьянского комитета по примеру уже появившихся в некоторых губерниях комитетов Стремоухов считал делом почти что неизбежным. Но собравшись 15-го февраля 1858 года уездные предводители дворянства в числе 15 человек не повели никакой речи о губернском комитете или подали адреса Императору по примеру губерний Виленской, Петербургской, Московской и других. Они постановили на первых порах просить разрешения открыть уездные съезды дворян для обсуждения на этих съездах способов исполнения Высочайшей воли. На 6-е апреля был предложен общий съезд уездных предводителей и депутатов дворянства для дальнейших по обстоятельствам действий.

Об этом постановлении собрания предводителей Стремоухов сообщил министру внутренних дел и объяснил, что собрание для окончательного постановления назначено на несколько отдаленный срок, как потому, что в промежуток совпадают недели страстных и Святой Пасхи, так и потому, что приближается весеннее время года, в которое все сообщения и переиздания становятся крайне затруднительными.

Собрание уездных предводителей 13 февраля постановило, что отсутствующие из Курской губернии дворяне должны будут, по приглашению уездного предводителя, прислать свой отзыв и мнение об устройстве быта крестьян, тем же из отсутствующих, кто к уездному съезду дворян своего отзыва не прилетит, будут считаться согласными с мнением большинства. В двадцати двум лицам, отсутствующим из губернии Стремоухов считал долгом сам написать приглашения дать отзыв. Лица эти были следующие: товарищ министра внутренних дел Левшин, обер-гофмаршал граф Толстой, статс-секретарь Суковкин, генерал-адъютант барон Мейендорф, камергер граф Орлов-Давыдов, князь Вярятинский, гофмейстер граф Шереметев, камер-юнкер Дурасов, Карамзин, генерал-адъютант граф Клейнмихель, Шабельский, князь Голицын, Нелидова, Киревский, князь Трубецкие, граф Апраксин, Струков, граф Потемкин, Потемкина.

Но так как дворян, отсутствующих из губернии по разным причинам было много и по недействительности их адресов, уездные предводители затруднялись посылать к ним приглашения на уездные съезды или подачу своих отзывов, то сочли самым удобным воспользоваться в этом деле услугами печати. И вот 21 февраля, в комитет правлений Императорской Академии наук, Стремоухов послал отношение о напечатании, объявлении о приглашении отсутствующих из Курской губернии дворян к участию в той или иной форме в крестьянском деле, три раза в С.-Петербургских Ведомостях, с приложением шести рублей. Такие же приглашения были напечатаны и в Курских Губернских Ведомостях.

Танкова.

(Продолжение следует).

НАСР-ЭД-ДИН, ШАХ ПЕРСИДСКИЙ.

Наср-эд-Дин, четвертый шах из тюркской династии Котджаров, родился в 1829 году. Когда ему было 5 лет, отец его Мухаммед-шах выказал особое внимание к его вос-

питанию и поручил его ученому Дале-баши. Согласно понятиям того времени, молодому наследнику-принцу с тех лет стали преподавать персидский язык, преимущественно классиков Хафиза, Саади и Фирдуси, мудрость Корана и арабскую словесность, причем особенное внимание обращено было на арифметику и каллиграфию. Принцу было 9 лет, когда он был назначен, как подобает наследнику престола, губернатором Тавриза в Азербеджане.

15-леть наследный принц был отозван в Тегеран, где отец начал ему сватать дочь своего двоюродного брата Ахмед-Али-Мирза. После блестящей свадьбы Наср-эд-Дин возвратился в Тавриз, но спустя три года ему пришлось потерять горячо любимого отца и заступить его место на славном престоле вождя Иранского народа при крайне неблагоприятных условиях.

То была эпоха полная тревожений и народных брожений. Она представляла собой замечательную аналогию с царствованием последнего Сасанида Эзидгерда с тем только различием, что при Эзидгерде Персия угрожали внешние соседи, преимущественно Арабы, во дни же первого времени царствования Наср-эд-Дина Персия грозила еще большая опасность: ее готовы были погубить междоусобные раздоры.

Первым делом молодого Шаха по вступлении на престол в 1847 году было подавление в Тавризе грозного восстания Салара. Это восстание вспыхнуло еще за год до смерти Мухаммед-шаха, который постоянно высылал в Хорасан против мятежников войска, но не имел успеха. Благодаря этому, Салару удалось подчинить себе всю Хорасанскую область, которая равняется 1/3 всей Персии.

Не успев еще юный взыгросец торжественно вступить в Тегеран, как на дороге ему был прегражден путь новыми инсургентами Сейф-уль-Мольком, которому удалось собрать вокруг себя казвинских кочевников и поднять знамя восстания, объявив себя падишахом Ирана. Молодой шах, узнав об этом, не растерялся и отправил против Сейф-уль-Молька авшарского вождя Сулейман-хана, которому вскоре посчастливилось поймать дерзкого инсургента в окрестностях Казвина и привести в Тегеран, куда уже успел прибыть Наср-эд-Дин для того чтобы войти торжественно в знаменитый Талар-е-Мермер (мраморная зала) на престол своих предков.

Своим первым министром он назначил Мирза-Гага-хана, Эмир-Низама, имя которого и доныне произносится с особенным благоговием и уважением, ибо этот мудрый министр положил начало тому государственному строю в котором впервые было замечено стремление к разумному прогрессу.

Как только Наср-эд-Дин почувствовал себя безопасным в своей столице, которую он привел в порядок, он тотчас же поспешил отправлять своего дядю Гама-Мирза и полководца Сулейман-хана в Хорасан против вышеупомянутого Салара.

Вслед за ними шах отправил своего друга Гага-воинственного дядю Султана Мурад-Мирзу с новыми отрядами, назначив его главным командующим всех войск. Война против Салара началась с города Себзевара и в то местечко Джовин имело место кровопролитное сражение против Салара. Это было только начало военных действий. Много еще было стычек прежде чем Султан-Мурад-Мирза удалось взять город Себзевар и направиться на город Нишабур.

Как раз в это время вспыхнуло еще новое восстание, которое в последствии являло лишнюю жизнь молодого повелителя. Оно началось еще в 1842 году при жизни Мухаммед-шаха и в те дни привало самые широкие размеры. В Мазандеране в городе Бар-Форуш, почти на берегу Каспия, известный мullah Мамед-Али стал открыто проповедывать ересь Бабаи социалисто-коммунистического характера (последователи его называются Бабады). Между тем сам Бабаи был арестован в окрестности Тавриза. Против мullah Мамед-Али шах послал своего брата Мехди-Кули-Мирзу, которого впоследствии назначил губернатором Мазандерана. Усейн

информация: Мухаммед-Шах и его сыновья